

Ерзаулова А.Г.

УДК 008 (37-11):130.2

**ВОСТОЧНО-ХРИСТИАНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ
ВИЗАНТИИ**

Анализ острых проблем современного цивилизационного развития в контексте православно-религиозных ценностей и нравственных установок позволяет увидеть в новом ракурсе и более глубоко понять практические возможности православной культуры в преодолении ряда негативных тенденций в глобализирующемся мире XXI столетия.

Православная, или восточно-христианская цивилизация характеризуется гармоничным соединением местных локальных традиций с тяготением к сакральному и универсальному. Она не столько созидает себя в пространстве, сколько противопоставляет себя настоящему и обращается от временного к вечному, именно в этом усматривается историческая чуткость к многообразию духовных возможностей, обнаруживается подлинное призвание. В этой цивилизации народ обретает свою идентичность и традицию, что обеспечивает ему полноценное историческое существование и творческое преодоление исторических вызовов и угроз.

Цель статьи – охарактеризовать восточно-христианскую цивилизацию в её духовном и культурно-историческом измерении, что предполагает решение следующих задач:

- уточнить определение понятия “восточно-христианская цивилизация”;
- показать жизнеспособность и значение православных ценностей в условиях современного кризиса Западной культуры;
- выявить сверхценности восточно-христианского мира, исходя из духовных традиций Православной Церкви, опираясь на духовный святоотеческий опыт;
- определить значение византийской традиции в общем культурно-историческом процессе;

При попытке дать определение восточно-христианской цивилизации необходимо обращение к ряду классических работ. Последователи цивилизационного подхода Н. Данилевский, Л. Гумилёв, К. Леонтьев, С. Хантингтон, О. Шпенглер, А. Тойнби под цивилизациями понимают культурно – исторические общности, или типы, имеющие общие черты объективного характера, такие, как религия, язык, традиции, правовые и юридические общественные институты и, что особенно важно, субъективный фактор самоидентификации людей.

При всём разнообразии различных цивилизаций Р. Генон усматривает их принципиальное сходство, которое связано с существованием изначальной духовной традиции. Единство духовной традиции определяется им как сходство различных культурных форм и религиозных верований, наличие фундаментальных высших истин. Как вид божественного откровения, она неизменна, её не может коснуться упрощение высших незыблемых истин, которые для общества являются сверхценностью, не подлежащей критике и пересмотру. По мнению Н. Данилевского, реестры культурно-исторических типов могут расходиться в частности, но ядро у них одно. На протяжении последних столетий сторонники цивилизационного подхода давали разные определения той общности, которая исследуется нами сегодня под названием “цивилизация”. Так, Н. Данилевский понимает под цивилизацией “культурно-исторические типы”, О. Шпенглер “высокие культуры”, Л. Гумилёв – “суперэтносы”. Единным связующим критерием для всех тех, кто выделял цивилизационную общность, был некий ключевой элемент, например, религия, культура, язык, “самоидентификация” людей, этнические и политические особенности. Но чаще всего главным критерием для исследователей являлась религия, так как именно она при выделении той или иной цивилизации играет первенствующую роль и определяет многие аспекты жизнедеятельности людей. С. Хантингтон пишет об этом следующее: “Религия является центральной, определяющей характеристикой цивилизаций” [15,с.59].

В данной статье за основу будем брать подход Н. Данилевского, который под цивилизацией предложил понимать “культурно-исторический тип”, как понятие более обширное, чем наука, искусство, религия, взятые в отдельности, ибо оно всё это в себе включает. Формы исторической жизни человечества, считает он, не только изменяются и совершенствуются повозрастно, но ещё и разнообразятся по культурно-историческим типам. “Прогресс заключается не в том, чтобы все идти в одном направлении, а в том, чтобы всё поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходило в разных направлениях” [4, с. 87].

К. Леонтьев также определял цивилизацию как сложную систему религиозных, государственных, политических, юридических, лично-нравственных, философских, художественных, бытовых и экономических идей, вырабатываемую на протяжении всей истории конкретной нации и представляющую из себя не что иное, как своеобразие, особый вид развития жизни, ни на что в совокупности осуществления своих религиозных, государственных и культурных идей не похожих.

Профессор богословия, философ В. Тростников в своей работе “Православная цивилизация” подчёркивает, что цивилизация определяется верованием, которое порождает и отличает её идентичность от других цивилизаций [13,с.99]. Вера образует общество, или “культурно-исторический тип” по Н. Данилевскому, который не передаётся народам другого типа эволюционным путём. Цивилизация развивается ступенчатым образом. Первое и главное, на что она опирается, по мнению В. Тростникова, является культ, как “совокупность физических, чувственно воспринимаемых действий, в основном коллективных, которые раскрывают для их участников и наблюдателей содержание соответствующей религиозной догматики” [13,с.99]. Цель культа – приблизить мир божественный к человеческому. На следующем этапе в этот процесс активно включается культура, которая необходима для нормального функционирования любого общества. Сокровенное внутреннее ядро культурно-исторического типа – это совместное, коллективное мироощущение людей, их жизненные ценности, которые координируют и влияют на их поступки. Эту миссию выполняет культура, формируя нравственную чистоту общества, но сама она при этом порождается религией.

С первого века нашей эры начинает интенсивно развиваться христианская Церковь. У неё с каждым столетием становится всё больше и больше последователей, пока сам император Константин не объявил себя внешним епископом на созванном им I Вселенском соборе. Перед смертью он принял крещение, и с этого момента можно считать, что Римская империя воцерковилась. Отныне христианство законной властью, исключая Юлиана отступника, не ставилось под сомнение и официально не преследовалось. Последовали долгие столетия догматического творчества на Вселенских соборах и напряжённая борьба с возникающими ересями, какие порой захватывали собою умы императоров и патриархов и сотрясали всю Империю. Именно в этот период зарождается то, что впоследствии будет названо Византийской цивилизацией. Её достижения в философии, богословии и искусстве стало фундаментом современной восточной православной цивилизации. И. Мейендорф пишет: «Византия внесла подлинный и непреходящий вклад в историю человечества в сфере религиозной мысли» [6, с. 8].

О значении и влиянии Византии на формирование восточно-христианской цивилизации говорят труды многих византологов и исследователей. Среди них особое место занимают работы представителя славянофильской школы, публициста, литературного критика и философа К. Леонтьева «Византизм и славянство» [5, с. 571]. Православие, греко-византийцами развитое, считал он, имеет для России культурно-государственное значение, просветительное, обособляющее и утверждающее. Леонтьев позволял себе делать больше акцент на византизм России, чем на её славянство, указывая на то, что наше культурно-национальное сознание «примет более правильное и добросовестное направление» [5]. Византийская цивилизация объединила в себе всё лучшее, что было в эллинском, римском и еврейском мирах и сумела на этом фундаменте воздвигнуть величественную, по-своему уникальную и непревзойдённую культурную традицию, которая заворожала своей красотой К. Леонтьева. Он писал: «Византизм есть прежде всего особого рода образованность или культура, имеющая свои отличительные признаки, свои общие, ясные, резкие, понятные начала и свои определённые в истории последствия» [5, с. 144]

Все авторы, так или иначе, говорят, что византизм – это особая эпоха в истории человечества. Это не только определённый тип государства, это ещё и политический, культурный, художественный феномен, который притягивает к себе внимание учёных уже не одно столетие. Э. Володихин в книге «Традиция и русская цивилизация» пишет: «У Византии было своё историософское предназначение, которое она исполнила до конца и тем вошла во всемирную историю как величайшая империя и непобедимая твердыня... Византийское наследие продолжает уже свыше пятисот лет влиять на судьбы евразийского материка, а духовный стержень Византии - Православие – как было, так и остаётся смыслообразующей основой всемирной истории» [12, с. 7].

А. Величко исследует устройство византийской империи как многогранный, универсальный идеал, блестяще проявившийся в общественных, политических и правовых институтах, которые создали устойчивый политико-правовой и культурный образ идеального государства. Он пишет: «Конкретное историческое государство как политический идеал христианской цивилизации – это и есть основа основ византизма, существо его онтологической природы» [1, с. 12]. По утверждению А. Величко, особое значение имела православная культура, которая в полной мере определяла и Церковь.

Христианские ценности оставались краеугольным камнем на протяжении всей исторической жизни Византии. К середине V века оформляется союз между церковью и государством, окончательно запрещаются языческие мистерии – законодательно империя становится христианской. В 529-534 годах Юстиниан издаёт свой кодекс. Церковь понимала, что падший мир преобразился силой императорских законов, и оттого для неё важно было свидетельство о царствии Небесном, которое становилось теперь целью и для государства. В своё время император Зенон писал в своём указе: «Признавая началом, основанием и непреодолимым оружием нашего царства веру, которая в истине и правде утверждена наитием Бога 318 Святыми Отцами Собора, состоявшегося в Никеи, и подтверждена Святыми Отцами в числе 150 на Соборе в Константинополе, мы днём и ночью, речью и законами ревностно преследуем одну цель, чтобы всюду Апостольская и Кафолическая Церковь, мать нашего царства, множилась в мире и согласии» [1, с. 30]. Для Византийского сознания империя – это прообраз Царства Небесного. А. Величко пишет, что государство становится органом церкви, а Церковь органом государства. Рождается симфония церкви и государства. И как Церковь стремится просветить все народы, так и Византийская империя ставит перед собой задачу охранять веру от ересей и расколов. Главным признаком принадлежности империи становится не национальность, а вероисповедание.

Согласно древнерусской летописи, отобразившей устное предание народа, когда князь Владимир выбирал веру для своего народа, Византия переживала высшую точку своего развития – Константинополь был центром христианского мира. Послы великого Владимира были потрясены богослужением в храме святой Софии, и главным потрясением было эстетическое переживание – то, как прославлялся Бог в Византии.

Если раньше славяне совершали набеги на ромейское царство, искали военных побед, то сейчас они были сами сокрушены великолепием и неотразимой красотой византийской культуры. Их сердца были покорены нравственной силой и совершенством форм. Письменностью и основными философскими, и богословскими представлениями славяне были обязаны исключительно Византии. В полной мере это относится и к опыту святости, жизни по евангельским законам. Наши предки оказались чрезвычайно одарёнными учениками и уже через некоторое время заговорили своим самобытным языком. Достаточно указать на текст митрополита Иллариона «Слово о законе и благодати», где звучит самостоятельная, а не подражательная мысль. Автор бесстрашно поднимает сложные философско-богословские проблемы. В Киевской Руси, утверждает Г. Федотов, появляется новый тип святости в лице благоверных князей Бориса и Глеба, которые пострадали не за исповедание веры, а за исполнение евангельской заповеди [14]. Такой вид подвига для византийцев был нов, и пожелание славян их канонизировать вызвало недоумение. Но славянская душа, только что обращённая ко

Христу, различила в подвиге святых князей особый подвиг. Происходило быстрое взросление славян, которое не мешало дару ученичества – с лёгкостью и благодарностью впитывать всё лучшее из великого наследия ромеев и при этом сохранять свои национальные самобытные черты, свой национальный характер.

После падения Константинополя в 1453 году, церковный корабль отдрейфовал в далёкие славянские земли. В своём поражении византийцы не видели ничего кроме поражения, и падения империи переживали как последнюю выходящую за пределы понимания катастрофу. И менее всего они представляли, что их эстафету, римскую преемственность возьмёт на себя Московское царство. Надо сказать, что и в православной Москве падение Константинополя восприняли с великой тревогой. Канонически совестливые москвиты, принимавшие своих митрополитов из Царьграда, не мыслили на тот момент себя самодостаточными и самостоятельными. Да и устремления такого не испытывали. Но падение второго Рима заставило их очнуться и осознать своё абсолютное одиночество в этом мире. Другого православного царства, непокорённого иноверцами, в мире не было. Трагические события на востоке заставили московских князей по-новому осмыслить своё положение в мире, и главное – свою ответственность за судьбы Церкви и империи. Это переживалось не как радостное приобретение, не как новая возможность заявить о себе в мире, но, напротив, как трагическое обстоятельство, потрясшее основы жизни и заставившее выйти на новое ответственное служение.

Московский государь называл себя самодержцем, так как держал в своих руках власть и никому не платил дани. Но в церковно-каноническом отношении русские безропотно принимали греческих митрополитов или, предлагая свои кандидатуры, принимали постановления в Царьграде. И только с трагическими обстоятельствами Ферраро-Флорентийской унии они были вынуждены выгнать греческого митрополита Исидора, покорившегося католическому Риму. Происшедшее во Флоренции в буквальном смысле потрясло русских людей. В полном недоумении они хранили молчание несколько дней, пока князь Иван Калита, первый пришедший в себя, не изгнал из пределов московского княжества лже-митрополита.

Все эти обстоятельства неотвратимо подталкивали русское сознание к новым рубежам, принуждали их осознавать своё особое положение в мире и формировали их особую идентичность. Без сомнения, Церкви, православному вероучению принадлежит первенство в формировании русской идентичности, но нельзя оставить без внимания территориально-географические особенности ландшафта, который в значительной мере повлиял на формирование восточно-славянского типа личности, образа жизни и мироощущения. Православная цивилизация гармонично соединяет локальное и универсальное и при этом имеет устойчивое тяготение к сакральному. А. Панарин по этому поводу пишет: “Само православие, унаследованное от Византии, без привязки к русскому космическому пространству не смогло бы дать столь мощного импульса, что его хватило на всю континентальную Евразию” [8, с.148]. Следовательно, православная цивилизация организуется не развитостью сетевых коммуникаций, а единством духовного импульса, это православный космизм, который объясняет поэтику русской души. Человек, привязанный к социальной топографии, мыслит, как правило, эмпирически, а не символически, так как ему трудно распознавать знаки другой реальности. Христианство как религия историческая открывает нам темпоральный и временный характер истории, которая в определённый момент переходит из категории исторической в метаисторическую.

Таким образом, влияние византийской цивилизации золотой нитью прошло через славянскую душу, оплодотворило высшим смыслом народную традицию, и стало сокровенным центром в её идентичности. Именно поэтому, славянский гений, сохраняя родовые черты, национальную самобытность, смог заговорить на языке вселенского православия. Великий опыт Византии и на сегодняшний день остаётся существенно важным, живым, не учитывая который остаётся опасность совершить исторические ошибки. Интерес к прошлому, великому и мало изученному, диктуется ещё и тем, что современные проекты, исторический оптимизм XIX-XX веков рассеялся при соприкосновении с реальностью. Мы уже привыкли к катастрофическому сознанию – экологический, технический и демографический тупики стали фоном нашей повседневной жизни. А сейчас мы видим восстание машин, техника выходит из-под контроля (Чернобыль, Саяно-шусенская ГЭС и т.д.), восстание природы, пылают леса – лёгкие России, как бы не соглашаясь с варварской деятельностью человека.

В поисках выхода, по всей видимости, надо обратиться к своему и чужому историческому опыту, и здесь мы поневоле встречаемся с восточно-христианской цивилизацией и рождённой в ней славянской культурой, историей и традицией. Настоящее и прошлое заставляют нас задуматься о том, кто мы и откуда, куда идём, за что боремся и где наши священные границы. Всё это называется идентичностью, которая в настоящее время в отечественной истории переживает серьёзный кризис. Обретение своей идентичности есть не что иное, как право на будущее, на полноценную жизнь в семье других культур и цивилизаций. Исследователи восточно-христианской цивилизации подчёркивают её мессианский характер, обеспокоенность о судьбах мира и православия. Суд истории, утверждает А. Панарин, совершается с учётом самоопределения людей в глобальном противоборстве добра и зла и обретения настоящего имени, что можно рассматривать как возможность войти в великую духовную традицию и стать её живым продолжением.

Живая, универсальная традиция Византии была воспринята и продолжена славянами. Её основой, объединившей многие народы и различные культуры являлась принадлежность к православной Церкви, христианскому мировоззрению, что было сформулировано святыми отцами в Никее. Религиозное мировоззрение, православное мировосприятие не заменяли собою национальное, напротив, всё национальное они возводили на новый, более высокий уровень и способствовали качеству культурного диалога между народами и культурами.

Гениальный опыт построения симфонии между Церковью и государством не погиб вместе с Византией. Не взирая на все противоречия и оговорки он был в достаточной степени транслирован в безбрежные просторы обратившегося ко Христу славянского мира. Там, в заснеженных далях, которые большинство жителей Малой Азии представляли очень смутно, суждено было жить и развиваться их идеям и историческим чаяниям.

Православная восточно-христианская цивилизация не столько созидает себя в пространстве, сколько противопоставляет себя настоящему и обращается от временного к вечному. Именно это позволяет сформироваться подлинным ценностям, без которых в человеке не может выжить ничто человеческое. Обращение к опыту древних, лучших представителей мировой культуры – в данном случае к византийскому наследию – помогает нам уяснить основы своего бытия, те координаты в бушующем мире современных противоречий, без которых невозможна продуктивная деятельность и разумное целеположение.

Наша мораль успеха остаётся исключительно “антропоцентричной”, считает А. Панарин, противопоставляет себя техно – и экономикоцентризму современной западной культуры. Трансцендентный “антропоцентризм” открывает совершенно иные горизонты: “Он указывает на то, что человек – существо не пространственное, ограниченное физической наличностью (будь то наличность материальных ресурсов или наличность прав и свобод, закреплённых земными инстанциями), а временное и сверхвременное, которому дано прорываться в сферы сверхналичного” [8, с. 539]. Так проявляется наше чувство истории, мировоззренческая и ценностная установка, которая хранит нас в истории.

Православная цивилизация, зародившись в IV веке, своими корнями уходит в дохристианскую эру, является одной из самых древних по своему происхождению. Это серьёзная культурно-историческая данность, которая формирует будущее человечества, выстраивает основу человеческого бытия. Сегодня ощущается потребность более внимательно и ответственно изучать византийскую традицию, как замечательный источник богословских, политических и культурных идеалов, созданный опытом многих поколений.

Время, которое переживает сейчас человечество, революционно в самом глубоком и точном смысле слова. На наших глазах, как замечает Л. Олех, ломаются архаичные социальные формы и структуры, уходят в прошлое многовековые традиции, “складываются и воплощаются в реальную действительность немислимые в недавнем прошлом ступени зрелости нового типа цивилизации” [7, с. 3].

Если мы начнём постепенно избавляться от иллюзий, от ложного очарования массовой культуры, то мы сможем духовно обогатиться соприкасаясь с древними и великими цивилизациями, которые продолжают свою таинственную жизнь в недрах коллективного бессознательного. Тогда мы сможем по достоинству в меру оставшихся сил ума и сердца оценить и полюбить свою материнскую цивилизацию, выросшую из греко-римского мира и давшую человечеству величайшие образцы мысли и художественного творчества.

Выводы. Проблемы современного цивилизационного развития могут рассматриваться с точки зрения православно-религиозных ценностей. Православная восточно-христианская цивилизация в своём имманентном развитии всегда шла своим самобытным путём, при этом не столько создала себя в пространстве, сколько противопоставляла себя безусловному настоящему и обращалась от временного к вечному. В этом можно усмотреть историческую чуткость к иначе возможному, обнаружить провиденциальное призвание восточно-христианской цивилизации – показать подлинное единство человечества, которое было утрачено западно-европейской христианской традицией, где, по утверждению греческого богослова Х. Яннараса, Бог действительно был убит богословами, философиями-идеалистами и религиозными институтами, которые превратили Творца в мёртвые понятия, постигаемые исключительно разумом и существование которых доказываются отвлечёнными рассуждениями и рациональными аргументами. Другими словами, Бог стал недоступен для человеческого опыта и непосредственные отношения с ним у человека прекратились. Нетривиальный опыт восточно-христианской цивилизации, его глубинно-проникновенные тайны человеческого духа и человеческой природы, может убедительно свидетельствовать перед хаосом европейского модерна, гедонистической индивидуальности и тотального потребления о реальных возможностях выхода из надвигающегося тупика.

Способность признавать свои ошибки, творческая способность преодолевать “неснимаемые противоречия” может упростить поставленную задачу и привести к положительному результату. Православная цивилизация, способна взрастить растерянных людей к тому подвигу, который в традиции называется аскезой духа, а также направить к той борьбе, которая помогает в человеке выжить человеческому, и человеческому в человеке подготавливает к преображению. И в то же время со скорбью можно заметить, что западноевропейская цивилизация всё больше и больше напоминает театр, не имеющий режиссёра, где все актёры, вне зависимости от способности, претендуют на главные роли, более того, устанавливают свои правила игры. Философско-религиозный сбой мысли, произошедший в своё время, неизбежно приводит к горьким плодам и неутешительным результатам. И как следствие, из этого рождается агрессивный фундаментализм, по мнению А. Панарина, не желающий менять планетарную программу Фаустовской культуры.

Источники и литература:

1. Величко А. М. Политико-правовые очерки по истории Византийской империи / А. М. Величко. – М. : ФонДИВ, 2008. – 312 с.
2. Генон Р. Восток и Запад / Р. Генон; [пер. с фр. Т. Б. Любимова]. – М. : Беловодье, 2005. – 240 с.
3. Генон Р. Избранные произведения : Традиционные формы и космические циклы. Кризис современного мира / Р. Генон; [пер. с фр. Т. Б. Любимова]. – М. : НПЦТ «Беловодье», 2004. – 304с.
4. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский; сост., послесл. и коммент. С. А. Вайгачева. – М. : Книга, 1991. – 574 с.
5. Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. Философия. Психология : сб. ст. / К. Н. Леонтьев. – М. : АСТ, 2007. – 571 с.
6. Мейендорф И. Византийское богословие. Исторические тенденции и доктринальные темы / И. Мейендорф. – Мн. : Лучи Софии, 2001. – 336 с.

7. Олех Л. Г. Цивилизация и революция / Л. Г. Олех. – Новосибирск : Наука, 1989. – 192 с. – (Искусство и современность).
8. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире / А. С. Панарин. – М. : Эксмо, 2003. – 541 с.
9. Протоиерей Шмеман Александр. Исторический путь православия / Протоиерей Александр Шмеман. – М. : Паломник, 2007 – 397 с.
10. Протоиерей Доненко Николай. Наследники царства : в 2-х т. / Протоиерей Николай Доненко. – Симферополь, 2000. – Т. 1. – 462 с.
11. Тойнби А. Дж. Постигание истории / А. Дж. Тойнби; сост. А. П. Огурцов; вступ. ст. В. И. Уколовой; закл. ст. Е. Б. Рашковского; [пер. с англ.]. – М. : Прогресс, 1991. – 736 с.
12. Традиция и русская цивилизация / Д. Володихин, С. Алексеев, К. Бенедиктов, Н. Иртенина; сост. Д. Володихин. – М. : Астрель : АСТ, 2006. – 282 с.
13. Тростников В. Православная цивилизация : Исторические корни и отличительные черты / В. Тростников. – М. : Изд-кий дом Н. Михалкова «Сибирский цирюльник», 2004 – С. 99.
14. Федотов Г. Святые Древней Руси / Г. Федотов. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2003. – 700 с.
15. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.
16. Шпенглер О. Закат Европы / О. Шпенглер. – М., 1923.

Золотухина Н.А.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ

Я. БАСОВА

Поэтический образ Крыма в творчестве современных художников создается различными образными художественно-стилевыми средствами: это масляная живопись, акварель, графика – рисунки, гравюры и другие.

Автор книги «Искусство акварели» А. М. Михайлов размышляет: «Является ли акварель живописью или графикой? Это не имеет принципиального значения уже потому, что в самой ее природе заложено два начала – и живописное, и графическое» [5, с. 6].

О преимуществах акварели, ее основном качестве – прозрачности и легкости красочного слоя, говорили многие художники. В частности, Э. Делакруа: «То, что дает тонкость и блеск живописи на белой бумаге, без сомнения есть прозрачность, заключающаяся в существе белой бумаги» [3, с. 169].

К акварели обращались многие известные художники: П. Веронезе, Ф. Гварди, Рембрандт, У. Тернер и др. У. Тернер переосмыслил роль цветовой среды, исходя из ее динамики, вечного непостоянства, неповторимости мгновенных ощущений. В акварели он нашел фантастическое разнообразие цветовых нюансов.

В эпоху расцвета романтизма к акварели обратились французы – Э. Делакруа, Т. Жерико, О. Домье. Особое значение придавал ей Делакруа. Не остались равнодушными к акварели К. Коро, Ж.-Ф. Милле, Т. Руссо, а также Э. Мане, П. Синьяк, П. Сезанн.

Мастером акварели был Делакруа. Его акварель прозрачна, характер мазка свободен. Приемы письма шли непосредственно от мысли и чувства художника. Акварели Делакруа были свойственны цветовые и тоновые контрасты. Иначе подходил к возможностям акварели П. Сезанн: она отличалась напряженностью и цветовыми контрастами, свойственными природе горячего южного Прованса, где жил художник.

Акварелью работали русские художники – Ф. Алексеев, С. Щедрин, М. Воробьев, А. Иванов, И. Крамской, В. Суриков и другие.

Александр Иванов писал акварелью пейзажи на пленэре и достигал реализма в передаче пространства, воздуха, света и цвета. Легкие и прозрачные акварели писал В. Суриков, тонко используя природу акварельного письма.

Мастерство в работе акварелью отличает творчество Т. Г. Шевченко, воссоздавшего пейзажи Украины. Новатором в использовании акварели стал М. Врубель.

К акварели обращались и многие мастера XX века: А. Остроумова-Лебедева, В. Борисов-Мусатов и другие. Самостоятельное значение акварель приобрела в творчестве С. В. Герасимова, пейзажи которого привлекали своей жизненностью, глубоким проникновением в красоту родной природы. Будучи в Крыму, всегда обращался к акварели П. В. Кузнецов. Через натюрморт на первом плане он раскрывал наполненный светом и воздухом пространственный пейзаж.

Мастером акварели являлся Заслуженный художник СССР, Народный художник Украины, лауреат Государственной премии АРК, участник Великой Отечественной войны Яков Басов, крымчанин, работы которого находятся в собраниях 43 музеев Крыма, Украины и зарубежья.

«Поэтом акварели» назвал Якова Басова Леонард Кондрашенко, замечательно характеризую суть творчества крымского художника-пейзажиста. Сам же он свидетельствовал: «Я живу живописью, понимая под этим – чувство жизни» [1, с. 87].

Я. Басов – уроженец Симферополя. Первые навыки в изобразительном искусстве получил у Н. С. Самокиша. В своей книге «Творчество – это судьба» Я. Басов рассказывает об этом сам. Собственно, это единственная в своем роде зарисовка, дающая представление о Самокише 30-х годов. Поражает меткость словесного творчества Я. Басова. Подростком он пришел к Учителю, совершенно не зная, кто он.

«Но когда вышел Он, высокий, небольшая гладко зачесанная белая голова, усы, трубка, военная